

ТАТЬЯНА БУЛАТОВА

КАК
СКАЗАТЬ...

Часть сборника: Тяжелый путь к сердцу через желудок (сборник)

Татьяна Булатова

Как сказать...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917956

Тяжелый путь к сердцу через желудок : [сборник рассказов] / Мария

Метлицкая, Татьяна Булатова, Маша : Э; Москва; 2017

Аннотация

«Ее и бабушкой-то было невозможно назвать. Поражало, что в свои шестьдесят «с хвостом» она красилась. Да не слегка, а основательно: глаза – в сурьме, веки – в перламутре, на скулах – не по годам яркий румянец, и губы цветут неряшливой фуксией. И не потому, что помада наложена неаккуратно, а потому, что дешевенькая та помада, «копеечная», купленная на первом попавшемся рыночном развале...»

Татьяна Булатова

Как сказать...

Ее и бабушкой-то было невозможно назвать. Поражало, что в свои шестьдесят «с хвостом» она красилась. Да не слегка, а основательно: глаза – в сурьме, веки – в перламутре, на скулах – не по годам яркий румянец, и губы цветут неряшливой фуксией. И не потому, что помада наложена неаккуратно, а потому, что дешевенькая та помада, «копеечная», купленная на первом попавшемся рыночном развале.

– Алла Викториновна, а какой у вас любимый цвет?

– Сиреневый, – довольно отвечает Алла Викториновна, будто кому-то это и вправду интересно.

– А чего же на вас зеленое надето?

– Так сиреневую блузку я же сегодня утром утюгом прожгла!

– Да ну?! – дивятся коллеги удивительной способности Аллы Викториновны все время попадать в какие-то форс-мажорные обстоятельства. – Вот уж не повезло, так не повезло!

– Не повезло! – соглашается Алла Викториновна и заявляется на следующий день на работу в целой и невредимой сиреневой блузке.

Коллеги открывают рты, а потом возмущаются:

– Объясните, Алла Викториновна! Как же так?! Вы ж

эту блузку вчера утюгом прожгли.

– Так я же не эту прожгла, – оправдывается Алла Викториновна.

– Да как же не эту?! – изумляется народ.

– Да не эту, вам говорю. У меня же две сиреневые блузки!

– Две?! – морщат лоб коллеги и что-то не припоминают...

– Две, – уверенно подтверждает Алла Викториновна и для пущей убедительности поясняет: – Две совершенно одинаковые. Я вообще часто по две покупаю, потому что...

Коллеги не дают договорить и обрывают Аллу Викториновну:

– Потому что вы врете.

– Я вру?! – таращит глаза Алла Викториновна.

– Вы! – рвутся в бой коллеги.

– Не хотите – не верьте! – уходит от дальнейшего спора Алла Викториновна и застывает над своими пробирками: вот уже несколько десятилетий она преподает биохимию в фармацевтическом колледже провинциального города.

Известно, что Алла Викториновна, в отличие от своих сверстниц, не рвется на заслуженный отдых. Поэтому на работе она пропадает круглосуточно, к вящему неудовольствию ближайших родственников.

– Мама, – ругается старшая дочь, – ну сколько можно работать?! Сорвешься! Сиди уже дома, нянчись с внучкой.

– Мама! – вторит ей сестра. – Ты ведь уже бабушка. А внучка тебя не видит. Ты все время с чужими детьми.

– Какие же это дети?! – оправдывается Алла Викториновна. – Это не дети. Это взрослые люди.

– Тем более! – негодует младшая дочь. – Ты тратишь время и расходуешь свои силы на взрослых абсолютно посторонних людей.

– Это не посторонние люди! – сопротивляется Алла Викториновна. – Это мои студенты.

– Мама! – в один голос кричат сестры. – У тебя вечно студенты. И у тебя вечно на нас нет времени. А потом ты обижаешься!

– Ничего я не обижаюсь, – все-таки обижается Алла Викториновна и застывает в трагическом недоумении над кастрюлей с борщом. – А где борщ? Это что, все?

– А что ты хотела?! Ты бы еще под утро домой пришла. Хорошо устроилась. Целый день – студенты! Целый день – программы. Целый день – компьютер. Лишь бы домой не идти. Внучка скоро узнавать тебя перестанет.

– А зачем ты ее назвала Аглая? – задает не в тему вопрос Алла Викториновна.

– А как мне, по-твоему, надо было ее назвать? – орет младшая дочь.

– Ну, хотя бы Аполлиария...

– Чем Аполлиария лучше Аглаи? – вступает за племянницу тетка.

– Да! Чем? – вторит ей сестра.

– Да ничем. Аглая тоже хорошо. Нормально, когда Аглая.

Необычно даже...

Дочери захлебываются собственной слюной, но ссоры не получается до тех пор, пока не появляется сама Аглая.

– Баба, – говорит она громко. – Ты сегодня зубы в стакан будешь класть?

– Не скажу, – заявляет Алла Викториновна и выскребывает из кастрюли остатки борща.

– Почему? – искренно недоумевает вну-чка.

– Потому что ты меня зовешь «баба»!

– А как надо?

– Ну... – закатывает глаза Алла Викториновна. – Зови меня Алла!

– Пугачева? – уточняет девочка.

– Почему Пугачева? – удивляется Алла Викториновна. – Как моя фамилия?

– Как ее фамилия? – обращается Аглая к матери.

– Реплянко, – подсказывает та.

– Реплянко? – переспрашивает девочка.

– Реплянко, – признается Алла Викториновна и садится ужинать остатками борща.

Ест она красиво и медленно, умудряясь сохранить не только помаду на губах, но и величественное выражение лица. Непременно – кусочек черного хлеба, некрепкий чай и в конце что-нибудь сладенькое. Чаше – варенье, реже – чудом сохранившаяся в доме конфета.

В доме Реплянко кондитерские изделия любого вида бы-

ли огромной редкостью. Некоторые даже злословили о том, что видели саму Аллу Викториновну, тащившую с рынка тяжеленные сумки, из которых торчали, стыдно сказать, бычьи хвосты. «Это надо же! – восклицали они. – Приличные люди, а чем питаются!»

«Нормально мы питаемся!» – торопилась успокоить их Алла Викториновна и всегда из гостей несла домой, что получится: кусок торта, бутерброд с икрой, горсть конфет. В общем – что дадут хозяева, давно подозревающие, каково истинное положение дел в семье Реплянко.

Если в руках бабки вдруг неожиданно оказывалась конфетка, внучка делала страшные глаза и, не отрываясь, смотрела на ее движущийся рот.

– Это ты конфету ешь? – не верила своим глазам Аглая, видя, с каким удовольствием Алла Викториновна откусывает от маленькой конфетки маленький кусочек, а потом долго держит его во рту, смакуя.

– Конфету, – мычит с набитым ртом Алла Викториновна.

– А не делишься чего? – возмущается внучка.

– А ты ела сегодня конфету? – интересуется Алла Викториновна и торопится откусить кусочек побольше.

– Ела, – честно признается Аглая.

– А я – нет, – изрекает Алла Викториновна и заталкивает остаток конфеты в рот.

– Ну ты даешь, мам, – презрительно тянет младшая и переглядывается с сестрой.

– От каждого – по способностям, каждому – по потребностям, – напоминает хорошо известный лозунг Алла Викториновна, а потом спешно добавляет: – В коммунизме! А у нас, девочки, капиталистическое общество. Так что извиняйте: кто как работает, тот так и ест.

– Можно подумать, мы не работаем, – язвит старшая дочь.

– Работаете, – соглашается Алла Викториновна. – Но не за сладкое же?!

– А ты что, баба, за сладкое? – догадывается Аглая.

– Нет, – отрицает Алла Викториновна. – За вознаграждение.

– Это за какое такое вознаграждение?! – выстраиваются во фронт дочери и внучка. – За конфетку?!

– Нет, – стоит на своем Алла Викториновна. – Вы, может, и за конфетку. А я – за вознаграждение.

– Какая разница? – гневается младшая дочь.

– Большая, – строго говорит Алла Викториновна. – За конфетку работают собачки в цирке. А дрессировщик – за вознаграждение.

– Ну и каких собачек ты сегодня дрессировала?

– Каких собачек? – открывает рот Алла Викториновна. – Сегодня сплошные лабораторные.

– Это у кого сегодня сплошные лабораторные? – На кухне появляется муж – большой поэт современности.

– У меня, – подтверждает Алла Викториновна.

– Целый день в колледже? – интересуется большой поэт

незначительными мелочами.

– В цирке! – выкрикивает Аглая и прыгает на одной ножке.

– В каком цирке? – не понимает большой поэт и с надеждой смотрит на дочерей. – Не понял.

– Чего ты не понял? – агрессивно насккивает младшая дочь. – На арене цирка – Алла Викториновна Реплянка, великий педагог и жмотина.

– Чего это я жмотина? – не выдерживает Алла Викторовна.

– Того это. Конфету схрумкала и даже с ребенком не поделилась.

– А кто сказал, что все лучшее – детям?! – отшучивается Алла Викториновна.

– А кто сказал, что все лучшее – старикам? – парирует дочь и в сердцах хлопает дверью.

Алла Викториновна вздрагивает и беспомощно смотрит на своего мужа. Большой поэт – на нее. Между ними, это знают все, – большая любовь, о которой сама Реплянка говорит так: «Понимаю, что это аномалия. Но что делать?! Полное совпадение феромонов!»

Такое объяснение раздражает близких подруг Аллы Викториновны и явно возбуждает случайных слушателей. «Поклонники и поклонницы» влюбленной Реплянке четко разделяются на два лагеря. Одни – за любовь к большому поэту. Другие – против.

Те, кто «за», пребывают в полном обаянии от красивой истории об исключительной любви большого поэта, придуманной Аллой Викторинной. У этой истории простой сюжет: в завязке – мимолетный взор, феромоновый взрыв и безумная страсть. В развитии действия – борьба за выживание и за сохранение таланта большого поэта путем утраты собственного здоровья. В кульминации – иссякший источник феромонов и относительное оскудение таланта большого художника. Надо ли говорить, что в развязке?! В развязке – гимн героическому подвигу сподвижнице, другу, жене.

Близкие подруги были иного мнения об истории взаимоотношений Аллы Викторинны и большого поэта. До наступления пенсионного возраста они Аллу иначе как «сумасшедшей дурой» между собой и не называли, периодически предоставляя этой чокнутой с двумя детьми угол на два-три дня, пока к поэту не вернется вдохновение, сменяющееся раскаянием. После первого инсульта большого художника подруги стали помягче и слово «дура» поменяли на слово «бедолага». Второй инсульт примирил всех, и у некрасивой истории любви нарисовался красивый финал: «Красивая вы все-таки пара! Ты, Аллочка, и он – художник слова, памятый жизнью и выброшенный «с корабля современности». Услышав это, Алла Викторинна расцветала, как майская роза, и продолжала любить жизнь еще больше, а дома бывать все реже.

– Алла Викторинна, идите домой, – раздраженно про-

сила вахтерша, совершавшая обход вверенных владений.

– Мама, ты скоро?

– Алла, ты до сих пор не дома?

– Нет. Нет. И еще раз нет! – отвечала Алла Викториневна и оттягивала момент возвращения в родные пенаты.

«Привычка?» – предполагали подружки. «Семейное неблагополучие?» – догадывались коллеги. «Лишь бы не быть дома!» – выносили приговор взрослые дети и выставляли впереди себя Аглаю, призванную «вразумить» молодящуюся бабу.

– Я тебя жду, – предупреждала Аллу Викториновну внучка и целовала трубку. – Пока не вернешься, спать не лягу!

– Ты что? Мне угрожаешь? – усмехалась Алла Викториневна, а в это время червь вины начинал грызть ее душу.

– Нет, – кривилась Аглая и беспомощно смотрела на рассвирепевшую мать.

– Не собирается? – грозно переспрашивала та у дочери и в сердцах заявляла: – Мы без матери росли, теперь ты – без бабки.

– Она что, тебя бросила? – От ужаса глаза девочки округлялись, а когда Аглае становилось страшно, она тут же хотела в туалет «по-большому». Чаще всего добежать до туалета не получалось, и штаны оказывались тяжелыми и сырыми. Тогда мама заставляла ее саму засовывать штаны под кран и внимательно смотреть, как это «говно» стекает в раковину.

– Что ты корчишься?! Какать хочешь?! – заорала мать и

потасила дочь за руку в уборную.

– Я сама-а-а! – вопила Аглая и с ожесточением вырывала руку.

– Я тте дам сама-а-а! – возмущалась мать и, втолкнув девочку в узкий пенал туалета, запирала дверь на шпингалет.

– Выпусти, – пинала дверь узница и грозилась: – Я бабе скажу!

– Вперед! – не могла остановиться горе-мамаша и обещала продержатъ дочь до того момента, пока домой не вернется злосчастная бабка.

– Ну и пусть! – огрызалась девочка и шипела: – Дедуля захочет писать – выпустит.

– Не захочет! – обещала дочери мать и с надеждой смотрела на закрытую дверь отцовского кабинета. Тому и вправду ничего не хотелось: он часами сидел в одиночестве, положив перед собой чистый лист бумаги и пытаясь писать по старинке, с карандашом в руках. – Не ори!

– Буду! – вопила из-за запертой двери Аглая.

– Ну и ори! – неожиданно разрешала мать и, бесшумно отодвинув шпингалет в положение «открыто», скрывалась у себя в комнате. – Пока не извинишься, из туалета не выходи! – кричала она в коридор, не надеясь на то, что дочь к ней прислушается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.